

СТАНОВЛЕНИЕ МЕГАРЕГИОНА СИБИРЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

О.А. Донских

Фонд социо-прогностических
исследований «Трендъ»,
Новосибирский государственный
университет экономики
и управления – «НИНХ»

olegdonskikh@yandex.ru

В статье исследуются параметры, которые позволяют рассматривать Сибирь в качестве мегарегиона. В историческом аспекте рассматривается взаимоотношение государственного и стихийного освоения сибирских пространств в геополитическом и управленческом ключе. Отдельно анализируется вопрос о роли и месте центра тяготения сибирских территорий и показано, что ни один из крупных городов не был и не стал в настоящее время таковым центром ни в экономическом, ни в культурном отношении. В частности, этот вопрос рассматривается с точки зрения понятия провинциальности. Показано, что наиболее интересные проекты развития сибирского мегарегиона берут его как целостную территорию, простирающуюся от Урала до Тихого океана и на север до Северного Ледовитого, и только такой подход может в полной мере выявить его геополитическое значение. В культурном отношении трудность жизни в Сибири, а также привычные многообразные контакты различных этнических и религиозных групп предполагали изначальную толерантность.

Ключевые слова: мегарегион, Сибирь, центр мегарегиона, провинциальность, целостность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-135-150

Когда речь заходит о Сибири, регулярно обсуждается несколько актуальных и острых проблем. Первая: каковы же границы Сибири? Либо это континентальное образование, лишь с севера смыкающееся с Ледовитым океаном, либо это огромная территория, которая простирается от Урала до Тихого океана? Вторая: какова степень ее связи с Россией? Либо это сырьевой придаток России, полностью подчиненный российской экономике и не имеющий сам по себе ни достойных людей, ни достаточных капиталов для собственного развития; либо Сибирь вполне может существо-

вать самостоятельно, нисколько не нуждаясь в России? Третья проблема: можно ли в принципе говорить о Сибири как о чем-то самодостаточном, если исключить географический аспект? Объединяется ли она общей экономикой или культурой? Иначе говоря, есть ли за словом «Сибирь» какое-либо основание – социальное, экономическое или культурное, кроме невероятных пространств и запредельных холодов?

Однако если мы говорим о Сибири как о мегарегионе, то необходимо определиться с вышеупомянутыми вопросами и принять определенную точку зрения. За от-

* Статья написана в рамках гранта РГНФ, проект № 15-07-00034 «Сибирь как мегарегион в полицентричном мире: экономические и геополитические параметры».

правное понимание мегарегиона возьмем то, которое предлагает В.И. Супрун, определяя его как «конгломерат регионов, имеющих экономическую, историческую и политическую общность». При этом в данной трактовке мегарегион не совпадает с понятием страны и может быть как частью одной страны, так и совокупностью ряда стран [14, с. 24]. При этом принципиально важно еще и то, что жители мегарегиона обладают определенной общностью мировосприятия [14, с. 25]. Посмотрим, насколько действительно эти исключительно важные аспекты могут работать в отношении Сибири. Начнем с истории.

Собственно Сибирь оказалась «надстройкой» над Великой степью и в конечном итоге включила в себя ее северные территории. Сначала Русь переняла эстафету у хазар, а новгородцы осваивали приполярные северные территории в Зауралье. Потом на территории от Северного Китая до Адриатического моря возникло самое большое в истории цивилизаций государство – империя Чингисхана. Оно распалось на отдельные государства, но до 1480 г. русское государство как суверенная единица политических отношений практически не существовало, получая ярлык на княжение от монгольских владык. «Представим себе русского человека, родившегося в 1412 г., после последнего татарского вторжения на Русь. В годы его детства он узнает, что живет в Московском княжестве, находящемся в составе улуса Большой орды, правитель которой считается «царем». На западе лежит Великое княжество Литовское, враждебное и опасное, а на севере – богатая Новгородская республика, где господствует беззаконие; отсюда на ушкуях приезжают злые разбойники, которым в лапы лучше не по-

падать... А через 70 лет, в 1482 г., уже не было ни Новгородского веча, ни Большой орды, ни самостоятельной Литвы, превратившейся в окраину королевства Польского, угнетающего православных подданных. Зато появилось царство Российское, назвавшее себя «третьим Римом» и претендующее на вечное процветание. Так ход этногенеза сломал этносоциальные системы, казавшиеся вечными» [3, с. 745]. И на протяжении двухсот сорока лет эти территории объединяли язык и православная религия, но ни о каком единстве речи не могло идти в принципе.

А с XVI в. русские начинают наступление за Урал на жителей Великой Степи. Этот процесс растянулся до второй половины XIX в. и закончился включением в состав Российской империи среднеазиатских эмиратов и территорий до Тихого океана. Это движение на восток «начинается с 80-х гг. XVI в., уже вскоре после сокрушения Иваном Грозным Казанского ханства. Оно хорошо известно в нашей литературе и связано, конечно, с легендарным для российской истории именем Ермака. Всего шесть десятилетий потребовалось казакам, чтобы после этого похода достигнуть самой восточной точки Евразии, того мыса, который сейчас назван именем Семена Дежнева. Он в 1648 г. обогнул этот мыс по будущему Берингову проливу, отделявшему Старый Свет от Нового, и, в частности, доказал, что от Европы до Китая можно пройти северным путем. «Так Россия постепенно овладевала и осваивала тот таежный тыл “степного пояса”, который, как можно думать, степным скотоводам казался вечным и незлыблемым. Новая и нависавшая с севера могучая сила постепенно и неуклонно давила степняков» [18, с. 41–42].

Процесс завоевания или освоения огромных территорий, составляющий в настоящее время около трех четвертей Российской Федерации, шел крайне противоречиво. Сам Ермак, насколько известно, действовал по собственной инициативе, как истинный авантюрист – ни государство, ни даже Строгановы были ни при чем (см. [19]). Начиная с его похода в этом «предпринимательском венчуре» смешались государственная политика (например, создание Сибирского приказа в 1637 г., а в 1708-м Сибирской губернии) и продвижение в Сибирь тех, кто бежал от гнета землевладельцев, ведь за отрядами казаков следовали охотники, рыболовы и, наконец, крестьяне. Естественно, что вместе с крестьянами пришло земледелие. Но ведь Сибирь – колоссальная территория, и движение шло разными ручейками, в основном по зоне Великой степи и вдоль рек.

С разными народами отношения выстраивались тоже специфически. А.С. Зуев задает справедливый вопрос: «... Можно ли вообще подвести под одно понятие процесс присоединения огромной территории, каковой является Сибирь. С одной стороны, несомненно, что многие сибирские народы покорились русской власти только после вооруженного сопротивления. С другой стороны, были и факты мирного подчинения. Причем и это подчинение шло по-разному. Так вправе ли мы говорить, что Сибирь в целом была «завоевана» или присоединена «преимущественно мирным путем»? Может быть, есть смысл говорить о подчинении каждого народа (или каждой территории) в отдельности? Ведь никто же не пытается охарактеризовать одним термином процессы присоединения к России территорий, лежащих до Урала (Прибалтики, Украины, Кавказа и т. д.)» [5]. Ситуа-

ция осложняется еще и тем, что в силу слабостью населенности Сибири и особенностей типа хозяйствования различных народов проникновение русских шло спонтанно и уже постфактум сопровождалось государственной политикой. «В большинстве районов южного сектора, от Днепра до Амура, народная колонизация опережала правительственную на десятилетия. Самочинные станы, зимовья, заимки и выселки, а затем деревни, сёла, станицы и городки гулящих, беглых и воровских людей возникали за десятки, а на некоторых направлениях и за сотни километров от засечных черт. Таким образом, “точечная”, а позднее, с XVII в., в местах расположения анклавов более плотного, аграрного, освоения... и фронтальная общественные границы, как правило, предшествовали государственной границе “широкого” типа» [6, с. 63]. Представление, согласно которому правительство лишь следовало за теми процессами движения на восток, которые происходили стихийно, подтверждается изначально уже тем фактом, что Ермак предпринял поход на свой страх и риск. И это никак не было связано с необходимостью пополнения казны пушным товаром.

Современные исследования показывают, что доля Сибири в доходах Московского государства хотя и была весьма значительной, но не была определяющей. Дело в том, что значительная часть из собиравшегося в виде ясака находило сбыт помимо казны. Со ссылкой на подсчеты П.Н. Павлова М.А. Киселев приводит следующие цифры: «... в 1621–1630 гг. общая цена добытых соболей по сибирской цене составляла в среднем в год 83 тыс. руб., из которых государству досталось только 24,2 тыс. руб.» [7]. Если учесть, что Нижний Новгород с уездом давал в казну сопоставимый,

если не большой доход плюс доходы от других уездов, то говорить о серьезной ресурсной зависимости русского государства от продажи сибирских мехов становится проблематично. Пушная торговля была безусловно важна, но не настолько, чтобы правительство начало целенаправленно осваивать сибирские просторы. В то же время без определенной роли государства вольное заселение было бы, очевидно, невозможно: «Конечно, роль “вольнонародной” на каждом этапе сибирской истории менялась. Она была довольно ощутима в исторических явлениях XVII в. Беглые, “вольные”, “воровские” люди порой были той ударной силой русской колонизации, которые первыми проникали в неведомые дали и первыми заводили и папшню и русский острог. Именно «воровские» казаки составляли костяк ермаковской дружины; именно из беглых было набрано в основном войско Ерофея Хабарова, открывшее русским Приамурье; именно «воровские», по воеводской терминологии, казаки построили и отстаивали Албазинский острог; «вольных» гулящих людей было очень много на рыбных и звериных промыслах в Мангазее, в Якутии. Да и сами служилые на государственной службе нравом и обликом были под стать «воровским» казакам; недаром один из прозорливых людей того времени, второй томский воевода Я.О. Тухачевский писал царю, что если казаков не “нять, то они и всех воевод из Сибири вышибут”» [11]. И только постепенно на протяжении всего XVIII в., да и XIX, государство взяло бразды правления в свои руки.

В политическом отношении громадная территория Сибири долгое время управлялась почти стихийно и лишь с некоторой оглядкой на российскую власть. По-видимому, первым человеком, который все-

ръем попытался упорядочить управление этим краем, был М.М. Сперанский, и это уже начало XIX в. Г.Н. Потанин в журнале «Живописная Россия» в 1884 г. пишет по поводу назначения Сперанского генерал-губернатором Сибири: «Явился Сперанский в Сибирь. Его управление было собственно только “административное путешествие” по Сибири. Через два года он оставил край и вернулся в Петербург. Настрадавшаяся Сибирь встретила его, посланника Божия. “Бысть человек послан свыше!” – писал его современник, образованный сибиряк, Словцов. И сам Сперанский понимал, что его приезд в Сибирь – эпоха для сибирской истории. Он называл себя вторым Ермаком за то, что он открыл общественно-живущую Сибирь, или как он выражался: “открыл Сибирь в ее политических отношениях”» [10]. Только с появлением составленного Сперанским «Сибирского уложения» и общим подъемом уровня чиновничества медленно и постепенно начинает упорядочиваться административная система. Напоминание об этих исторических фактах важны в том отношении, что настоящее является продолжением прошлого, и определенные особенности отношений между центральной властью и сибирскими регионами (каковыми сейчас называются области) унаследованы от более ранних времен.

Уже в XX в. Сибирь разбивается на области и края и полностью вписывается в административную систему СССР (особый вопрос о Тюмени и Ханты-Мансийском АО), в целом оставаясь лишь исторической территорией. Последняя же реформа управления, связанная с разделением страны на федеральные округа, представлена Сибирью как двумя субъектами Федерации – Сибирским федеральным округом

с административным центром в Новосибирске, населением в 19,3 млн чел. и площадью 5,115 млн кв. км и Дальневосточный федеральный округ с административным центром в Хабаровске, населением в 6,2 млн чел. и площадью 6,216 млн кв. км. Фактически Сибирь оказалась разделенной на две части и потеряла выход к океану. Это имеет не только политическое, но геополитическое и культурное значение, о чем речь пойдет ниже.

Когда мы говорим об определенном регионе, будь то политическое объединение, культурное или экономическое, необходимо, с нашей точки зрения, определить центр данного единства, его формальную или неформальную столицу.

Попробуем поставить вопрос максимально резко: а был ли когда-нибудь и есть ли сейчас у Сибири соответствующий центр тяготения?

В разное время с XVI по XXI в. на звание столицы Сибири претендовало несколько городов – это Тобольск, Омск, Иркутск, Томск, Новосибирск. Но, во-первых, это были центры далеко не всегда четко определенных территорий. Во-вторых, полномочия на управление они получали из Москвы или Санкт-Петербурга. В-третьих, их местоположение в принципе не позволяло им быть столицами Сибири как таковой, если брать всю ее территорию.

Возьмем, к примеру, Тобольск. Он сменил собой столицу Сибирского ханства и стал с конца XVI в. воротами в Сибирь. В 1708 г. это центр Сибирской губернии (одной из восьми в Российской империи) с территорией до Тихого океана. С таким же успехом можно было бы включить в состав этой губернии Луну. В 1719 г. Сибирская губерния делится на три провинции и Тобольск оказывается и центром губер-

нии, и центром Тобольской провинции, а в 1724-м уже из Тобольской провинции выделяются еще две – Енисейская и Иркутская. С 1736 г. существуют Сибирская провинция и Иркутская провинция. Во второй половине XVIII в. с образованием Иркутской губернии в 1764 г. юрисдикция Тобольской администрации распространялась на Западную Сибирь, но именно формально подчиненная ей Иркутская губерния оказалась по сути проводником российской геополитики вплоть до Тихого океана. Не случайно ключевую роль в освоении Русской Америки сыграл купец из Иркутска Г.И. Шелихов. В 1803 г. образуется уже единое для всего восточно-сибирского региона генерал-губернаторство с центром в Иркутске, которое существует до 1821 г., а Тобольск переориентируется на меридиональное направление. В начале XIX в. создается Томская губерния и Тобольск уже оказывается административным центром только той территории Сибири, которая примыкает к Уралу. Последний всплеск некоего административного величия Тобольска – центр Западно-Сибирского генерал-губернаторства с 1821 до 1839 г. Но даже в это время в 1822–1827 гг. резиденция генерал-губернатора находилась в Омске, а с 1839 г. именно Омск становится административным центром губернии. Таким образом, за 130 лет Тобольск сменил, по крайней мере, 7 различных административных статусов. Это связано в первую очередь с географическим его положением на самой границе колоссальной территории. И показательно, что сейчас Тобольск – вполне провинциальный город с населением (даже после недавнего присоединения пары рабочих поселков) меньше 100 тыс. чел.

Омск же, находящийся, как и Тобольск, на западе Сибири, не смог играть роль столицы для всей огромной территории. Дело, в частности, в том, что Омск был необходим для определенной геополитической роли – управления территорией и распространения влияния России не на восток, а на юг. Поэтому позже, в 1882 г., и была создана Степная губерния с административным центром в Омске для контроля территории, примыкающей к Китаю.

Когда же в советское время бывшая территория Степного генерал-губернаторства поделилась между Россией и Казахстаном, Омск естественным образом уступил пальму первенства Новосибирску, который оказался на перекрестке широтного транссибирского направления и меридионального как северного (по бассейну Оби) и южного, в первую очередь алтайского.

Вопрос о центре мегарегиона подразумевает, конечно, и принципиальный вопрос о границах Сибири: либо это территория от Урала до Тихого океана, либо она ограничивается хребтом Черского, примыкающая лишь к Северному Ледовитому океану и оставляя в стороне важный выход к Тихоокеанскому региону. Для того, чтобы избежать ответа на данный вопрос, в отдельных случаях говорят не о Сибири, а об Азиатской России (см., напр. [6]). Для известного исследователя Сибири Н.М. Ядринцева не было никаких сомнений в том, что Сибирь простирается до Тихого океана: «Страна эта занимает огромную площадь, расположенную между 45° и 77° с.ш. и между 60° и 190° в.д. Омываемая на севере водами Северного Ледовитого океана, а на востоке водами Тихого океана, она тянется на юг до Китайской империи, а западную границу ее составляет Уральский хребет, отделяющий ее от Европейской России» [21, с. 7].

Этой точки зрения придерживаются, говоря о Сибири, и современные западные исследователи. В то же время с разделением федеральных округов Сибирь оказалась срединной территорией между Уральскими горами и Якутией и за счет этого лишилась даже полюса холода, потеряв свой привычный образ самого холодного места на обжитой земле.

Само разделение было проведено властью, находящейся в Москве, т. е. далеко за пределами управляемых территорий. С определенной уверенностью можно сказать, что до настоящего времени у Сибири было две столицы: Тобольск с 1708 до 1719 г., когда губернатор М.П. Гагарин обладал практически абсолютной властью над подчиненной ему территорией, и Иркутск в 1803–1821 гг. Причем в обоих случаях речь шла именно об управлении всей территорией Сибири до Тихого океана. В то же время эти годы, как известно, отмечены фактическим кризисом управления на сибирской территории, так что названные номинальные столицы не были такими реально. И Сибирь как целое не являлась объектом регулярного и единого администрирования. Не случайно Г.Н. Потанин уже в конце XIX в., в 1884 г., пишет: «...Приведение Сибири в одно целое с Европейскою Россиею установлением единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страной, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения» [10]. Это положение имеет бесспорное геополитическое значение.

Возвращаясь к вопросу о центре тяготения мегарегиона, рассмотрим его в кон-

тексте автономии, получившей определенные властные полномочия от суверена. Для того чтобы быть реальным, а не фиктивным центром, необходимо выполнение нескольких условий (см. [4]).

1. Подобный центр – это место, где находятся органы государственного управления, главный город крупного региона. Возможны варианты, когда высшие органы власти не сосредоточены в одном городе, и тогда можно говорить о нескольких центрах одного региона.

2. Еще один признак, который является почти таким же важным, как наличие органов власти, обладающих определенными полномочиями, – «доступ к миру». Именно через центральный город мегарегиона государство может осуществлять международные связи – экономические, торговые, культурные. Если это не так, то центр мегарегиона, являясь административным центром де-юре, де-факто может оставаться вполне провинциальным городом. При этом центр мегарегиона как бы выступает достойным представителем не только мегарегиона, но и самого государства. И что интересно, при резком изменении геополитического курса государства центр мегарегиона может быть сыграть позитивную роль, оказать помощь столице всего государства, оказавшегося в опасности. Так, например, город Куйбышев (Самара) стал «заместителем» Москвы во время Второй мировой войны. В определенном смысле интересен опыт Петра Первого, который передвинул столицу ближе к Европе и назвал ее Санкт-Петербургом, подчеркнув курс на европеизацию России. Таким образом, столица как бы манифестирует цели и устремления целого государства.

3. Оставив истории проблему государственных столиц, следует сказать, что цен-

тры мегарегионов – это и места, куда стекаются деньги. В силу этого такой центр получает преимущества, что позволяет ему лидировать в экономической гонке. Так, Бразилиа и Вашингтон являются столицами федеральными, тогда как Нью-Йорк и Сан-Паулу несомненно являются столицами финансовыми. Именно Уолл-Стрит – главная артерия, по которой бежит американская кровь – деньги. А вот пример с азиатского континента – Нанкин (букв. Южная столица), будучи важнейшим политическим центром, в условиях конкуренции с Шанхаем не достиг в социально-экономической и культурной сферах столичного уровня, отставая от Шанхая.

4. Еще один аспект центрального положения в рамках мегарегиона связан с культурным доминированием. Он должен соответствовать стандартам лидерства в культурной сфере. Здесь концентрируется культурная элита, создавая критическую массу, способную генерировать новые идеи, авангардное искусство, экспериментальный стиль жизни. Уровневое общение в эталонном смысле этого слова способно давать импульс культуре, но способно и вырождаться в стереотипность «светской жизни» или же в простую «тусовку». Конечно, знаком столичности являются рейтинговые и качественные театры и музеи, газеты и журналы. И, как правило, здесь проходят и лучшие фестивали, концерты, конкурсы, выставки.

Можно ли сказать, что какой-либо из сибирских городов играл подобную роль для Сибири? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть отношение между городом, претендующим на значение центра тяготения, и окружающими территориями, которые оказываются в рамках этого отношения как бы провинцией.

В этой комбинации сопредельные территории в экономическом отношении могут рассматриваться и как партнеры, и как конкурентные территории, хотя в принципе такая квазистолица могла бы стать неким обручем, стягивающим мегарегион, и помочь государству избежать опасности диссипации, несмотря на всегда существующие центробежные силы. Выдающийся социолог Г. Тард тоже говорит нечто подобное (хотя и о роли столиц), высказываясь метафорическим образом: «Столицы, всасывая и поглощая силы нации, удерживают их, несмотря ни на что, от упадка, подобно тому, как большое дерево, стоя на скате, истощает и в то же время удерживает землю от обвала» [16, с. 243–244]. Эти процессы происходят по-разному. Москва и Париж играют подобную роль на государственном уровне, тогда как в Германии Берлин играет эту роль далеко не так значительно, а Лондон выступает в первую очередь в качестве финансового центра, оставляя, например, лидерство в образовании двум знаменитым университетам, правда, находящимся недалеко от столицы. Но для того чтобы установилось устойчивое отношение между центром мегарегиона и сопредельными территориями, необходимо время. А этого времени не было ни у одного сибирского города. И, конечно же, столица России, будь то Санкт-Петербург или Москва, выступали столицами в полном смысле слова как сами по себе, так и через посредство отдельных сибирских городов, которые сияли лишь отсветом столичности, насколько им это позволялось.

Кроме того, для провинции, которой являлась и Сибирь, характерно особое сознание, которое обычно обозначается как провинциализм. Это ориентация на мест-

ные, локальные интересы, ограниченная именно этими интересами.

Отношение провинциалов к большой столице и, в свою очередь, обратное отношение жителей столицы к остальным жителям страны амбивалентно с обеих сторон: провинция завидует столице и подражает ей, а большие столицы пренебрежительны к провинции. Провинциальные города подражают столицам. Еще «...все города Римской империи, даже самые отдаленные от Рима, даже наиболее чуждые по своей национальности римскому гению, как, например, африканские города, застраиваются триумфальными арками, термами, амфитеатрами, экзедрами, базиликами, памятниками всякого рода, в точности подобными памятникам Вечного города» [16, с. 239]. Провинциалы-горожане подражают столичным жителям. В модах, манерах, вкусах... Наиболее амбициозные и способные люди понимают, что карьере нужно делать в столице, и уезжают туда. Это, особенно при наличии несопоставимых с провинцией денежных ресурсов, создает серьезное давление во всех сферах общественной, экономической и культурной жизни, определяя более высокий темп жизни и, соответственно, в глазах столичного жителя оправдывая его скепсис по отношению к провинциалам и сознание того, что у него есть индивидуальное право на большую долю национального богатства.

В то же время по отношению к центру мегарегиона эти отношения смягчены и не так противоречивы, например, их почти нет у сибиряков – жителей других городов Сибири по отношению к Новосибирску (можно взять для примера и другие города), нет их и у жителей Новосибирска в отношении остального населения Сибири. Новосибирску не подражают ни Томск, ни

Красноярск, ни Иркутск, ни Кемерово. Таким образом, легко показать, что как Новосибирск, так и другие сибирские города не являются не только столицами Сибири, но лишь провинциальными центрами определенных регионов. А если нет мегacentра, то это значит, что Сибирь не является цельной территорией в экономическом, управленческом и культурном отношении и, как видно из предшествующего анализа, не являлась таковой прежде. Иначе говоря, Сибирь никогда не воспринималась из российских столиц в качестве единой территории. Назовем этот подход сугубо территориальным, а не мегарегиональным.

Теперь необходимо поставить вопрос иначе: а понималась ли Сибирь сибиряками как единая территория по отношению к столицам России и СССР? Вопрос не тривиальный. Областники – Ядринцев, Потанин и другие – мыслили Сибирь как единую территорию от Урала до Тихого океана. Это видно из уже приведенной выше цитаты Ядринцева. Более того, они рассматривали Сибирь как самостоятельную территорию. Характеризуя взгляды «областников», Г.А. Антипов пишет: «Существенно и принципиально то, что данный образ создавался не с позиций “внешнего наблюдателя”... а изнутри, “от имени и по поручению автохтонов”» [2, с. 138]. Сибирь не просто территория, хотя и огромная, а энергичный предприимчивый мегарегион с большими перспективами. Проектами, за которые ратовали «областники», были, в первую очередь, транссибирская магистраль и сибирский университет. В то же время «областники» прекрасно осознают, что для сибирского развития Россия необходима. Она должна взлелеять ее многостороннюю активность, и это нужно ей не меньше, чем самой Сибири. Ядринцев

пишет: «В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает, таким образом, время призвать наши окраины к новой жизни, пробудить их общественные силы к самостоятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершеннолетия общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть священнейший долг метрополии по отношению ко всякой молодой, развивающейся на ее руках, стране, великая обязанность, налагаемая на нее Провидением перед лицом всего человечества и будущей истории» [21, с. 720].

По сути дела идея быстрого индустриального и культурного роста Сибири как таковой, учитывая ее размеры и географическое положение – близость к Китаю, Японии, морскую доступность со стороны США, – остается лишь идеей. Аналогии с США и Канадой не вполне проходят. Можно привести целый ряд аргументов в пользу того, что Сибирь исторически развивалась совсем не так, как это происходило в Новом свете (см [11, гл. 3. Освоение Сибири в контексте мирового опыта колонизации (на примере США)], а Атлантический океан оказался решающим фактором при объявлении самостоятельности от метрополии.

Есть еще один подход, который рассматривает Сибирь как неотъемлемую часть России, когда отношения выстраиваются таким образом, что это оказывается выгодным как для России в целом, так и для Сибири. Его развивают в конце XIX в. в программах для будущего развития Российской империи известные русские ученые и общественные деятели – Д.И. Менделеев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Н. Савицкий. Для них, и это,

пожалуй, наиболее убедительная позиция, Россия выступает как гарант геополитического будущего Сибири.

Они исходили из того, что сибирские пространства сами по себе потребуют создания промышленных центров в мегарегионе, и только в этом случае геополитические связи позволят достойно выйти на мировые рынки. В противном случае Сибирь не сможет избежать проблем, связанных с ее колоссальной территорией. «Освоение громадных природных ресурсов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Туркестана позволяло обеспечить относительную самодостаточность хозяйства России... К тому же геополитическая обстановка настоятельно требовала коренного повышения уровня населенности и освоенности восточной части страны... Разработанный сценарий предусматривал на будущие десятилетия неуклонное смещение центров населения и хозяйства Российской империи на восток к ее географическому центру, располагающемуся в Сибири. Этот сдвиг предполагалось осуществлять благодаря созданию новых “культурно-экономических колонизационных баз” на обширном пространстве между Волгой и Енисеем, которое призвано было стать “коренным” в Российском государстве...» [1, с. 127–128]. В частности, Семенов-Тянь-Шанский предлагал постройку трех железнодорожных магистралей, которые связали бы европейскую часть России с азиатской: «...Само собой здесь намечаются три магистрали: 1) средняя, уже осуществленная в виде великого Сибирского железного пути; 2) более короткая южная, начинающаяся у Саратова, обслуживающая более широкую часть пояса, проходящая около южной границы земледельческого пояса со скотоводческим и вливающаяся в среднюю магистраль как

можно дальше на востоке, например, где-либо у Нижнеудинска; к осуществлению этой магистрали, по всей вероятности, будет приступлено в самом ближайшем времени; 3) северная, о которой пока еще мало говорят. Эта магистраль уже будет начата с постройкой Тавдинской железной дороги. Далее она, вероятно, направится на Тобольск, через обитаемые части Тарского урмана на Томск, Енисейск, на верхний конец Байкала и по северной части Амурской области на Николаевск-на-Амуре, пролегая около северной границы земледельческого пояса с лесным звероловческим. Все три параллельные магистрали будут соединены между собой в разных местах соединительными линиями наподобие ступенек веревочной лестницы» [13]. Понятно, что в этом случае Сибирь оказывается более или менее единой территорией по доступности и возможностям обмена.

Менделеев, в свою очередь, детально учитывал значение сырьевых ресурсов для развития индустриальной державы, которой он видел Россию, и благодаря этому оказался удивительно прозорлив в своей картине будущего страны (см. [20]). В реальности индустриальное развитие Сибири в XX в. свелось к развитию отдельных кластеров вроде Кузбасса (Урало-Кузнецкий проект), Дальстроя, Норильска, а затем в Сибири были реализованы энергетический и нефтегазовый проекты. Но это все делалось таким способом, так что сама территория и ее жители оказывались заложниками, а не хозяевами ситуации. Как пишут экономисты Б.Л. Лавровский и В.И. Сулов, есть только два примера, «когда Москва отнеслась к Сибири как к российской территории, а не российскому активу (колонии)» [15, с. 154]. Это строительство Новосибирского Академгородка и «развитие

военно-промышленного комплекса, при котором к Сибири относятся как к «запасному аэродрому», надежному тылу»... [15, с. 155]. Прямо скажем, на эпоху развития (три советских поколения) это немного, особенно если учесть, что во время Отечественной войны Сибирь сыграла едва ли не решающую роль в обеспечении Победы как перемещенным производством, так и сибирскими дивизиями. И стоит заметить, что в обоих случаях (так же как и в случае с мегацентрами Сибири) опять же речь идет о Сибири до Тихого океана: именно так распределены предприятия военно-промышленного комплекса, и Дальневосточное отделение РАН отделилось от Сибирского отделения в 1970 г., через 13 лет после создания последнего.

Теперь посмотрим, как Сибирь вписывается в культурные проекты для России. Или, иными словами, как Сибирь связывается с русской национальной идеей. В истории России были четыре идеала, каждый из которых может быть понят как национальная идея. Они сосуществовали в нашей истории, приобретая особое значение на определенных этапах. Это идеал религиозный – «Россия (Москва) – Третий Рим». Идеал политико-бытовой – Россия как Западная Европа. Идеал национальный – Россия как лидер и собиратель славянского мира. Идеал политико-географический – Россия как Евразия» (см. [22]). Только последний определенным образом включает в себя Сибирь как распространение России на восток. Стоит обратить внимание на то, что культурные концепты могут меняться во времени, и тем не менее именно их изменчивая совокупность на каждом этапе исторического бытия может быть определена и прочувствована как целостность, как «мы» в противо-

положность «им». Тем самым идея нации – это мысль, которая сплачивает население в народ, в «мы», противостоящих «им», «не-мы», мысль, отделяющая своих от чужих. В.С. Соловьёв в знаменитом стихотворении «Панмонголизм», написанном в 1894 г., мыслит Россию как противостоящую всем восточноазиатским культурам:

...От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.
Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена. ...

Какое место отводится здесь Сибири? Александр Блок продолжает в «Скифах» мысль Соловьёва, говоря об Урале как о точке противостояния Азии и Европы: «Идите все, идите на Урал!...» То есть Россия, согласно нашим поэтам-классикам, в возможном межконтинентальном и культурном конфликте ограничивается европейской территорией.

Но если от поэтов перейти к политологам, то, очевидно, лишь евразийцы всерьез рассматривали Россию как единое пространство.

«Мозаически-дробное» строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных миров. Здесь есть материальные предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве. Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера «флагоподобного» расположения зон не содействует ничему подобному. Бесконечные равнины приучают

к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций. В пределах степей, передвигаясь по суше, в пределах лесов - по воде многочисленных здесь рек и озер, человек находился тут в постоянной миграции, непрерывно меняя свое место обитания. Этнические и культурные элементы пребывали в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемешивании» [12]. Обширное пространство Сибири населяли многие народы, которые оказались включенными в культурный ареал России сначала казачеством, а потом и крестьянами, переселившимися с европейской российской территории. Многие из этих признаков характерны и для Восточной Европы, почему Н.С. Трубецкой и писал об общеевразийском национализме как особом типе характера [17]. Но в этом случае очевидно, что Сибирь является естественным продолжением, естественной частью России как государства, населенного людьми определенного типа.

Трудность жизни в Сибири предполагала изначальную культурную толерантность. Тем более что идеал религиозный – Святая Русь – здесь уже не работал, хотя сюда и бежали те же старообрядцы, но они-то и бежали именно из России. Святость места, таким образом, не перемещается по определению. А в Сибири те, кто сюда приходил, сталкивались с очень разными этносами и религиями. «Следует учитывать и тот факт, что «иноземцы» в Сибири XVII в. представляли сложный конгломерат лиц не только разной национальности и различного социального положения, но и, что немаловажно, разного вероисповедания. Несомненно, что в переселенческом обществе социокультурная роль религии значительно выше, чем в старых обществах. Трансплантированная в новую

социальную среду, религия становится хранительницей морально-этических ценностей и элементов привнесенной культуры, являясь интегральной частью формирующегося национального сознания и выполняя функцию психологической поддержки. Исторически, будучи культурно и этнически смешанным, казачество не могло ни создать собственной религии, ни, безусловно, предпочесть какую-либо одну с ее жестким регламентом обряда. Внутри казачьей среды сталкивались и взаимодействовали все мировые религии, не случайно в числе составляющих казачьей субкультуры обычно называют устойчивую веротерпимость» [9, с. 200–201]. Авторы процитированной книги говорят даже об особом феномене «самобытной сибирской цивилизации нового типа» [9, с. 202]. В качестве признаков этой цивилизации берется особое отношение между человеком и природой, причем культура оказывается подчиненной природе. И, таким образом, главной составляющей сибирской ментальности оказывается география. А география – огромные пространства и суровый климат. История добавила к географии несколько составляющих: отсутствие крепостничества у переселившихся русских крестьян, значительное количество ссыльных с их специфическим менталитетом, необходимость сосуществовать с представителями разных культур.

Тем не менее, даже если мы представим толерантность как определяющий культурный признак сибирского характера и добавим к нему крепость характера, выработанный в борьбе с природой, для обозначения особого типа культуры, созданной жителями Сибири, этого явно мало. Сформировалась ли в Сибири особая самобытная цивилизация? Думается, что об этом тоже

говорить не приходится, в каком бы значении мы ни взяли слово «цивилизация». Достаточно посмотреть, насколько сложным процессом было так и не завершившееся формирование монгольской цивилизации, и это в условиях, когда можно говорить даже об огромной мир-системе, сложившейся в XIII в. после завоеваний Чингиз-хана. Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова показывают, насколько непросто определить империю Чингиз-хана даже с точки зрения государственности, поскольку она эволюционировала, соединяя черты вождества с чертами ранней государственности, и насколько разнообразными и непостоянными были идентификационные практики [8, с. 493–507]. Тем более не может идти речь об отдельной цивилизации применительно к Сибири как единству чисто географическому. Если говорить в цивилизационной терминологии, то в качестве хотя бы как-то обрисовываемого социокультурного типа можно еще говорить о российском, и тогда сибирский социокультурный тип оказывается включенным в него. Учитывая многообразие культур, существующих в Сибири, можно говорить о единстве многообразия, где при доминировании российской культуры вполне органично совмещаются в одном культурном пространстве разные этнические группы и разные религии.

Итак, если ставить вопрос о том, является ли Сибирь продолжением России или отдельным регионом, то ответ выглядит очевидным. Против второго говорит хотя бы отсутствие четко определенного центра тяготения. В истории Сибири не было города, который объединял бы ее политически и исторически (экономического центра в Сибири также не было, но это вопрос отдельный и выходит за рамки

статьи). О культуре Сибири как о чем-то принципиально своеобразном по отношению к российской также говорить не приходится.

Приведенный материал позволяет теперь поставить вопрос о ценностях. Сибирь, учитывая ее историю, может представлять ценность только как мегарегион под протекторатом России. В любом ином случае она оказывается раздробленной на несколько несамостоятельных регионов. Именно Сибирь от Урала до Тихого океана. И как особым образом организованная территория, очерченная с юга степными просторами, а с севера Северным океаном, постепенно становящимся все более доступным как благодаря развитию техники, так и в силу климатических изменений. Но для того, чтобы эту ценность сохранить, она должна стать мегарегионом, а не оставаться территорией с кластерным типом развития.

Литература

1. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 464 с.
2. Антипов Г.А. Сибирь как проект // Сибирь: имидж мегарегиона. – Новосибирск: Тренды, 2012. – С. 127–142.
3. Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 766 с.
4. Донских О.А. Столичность как имидж в контексте мегарегиона // Сибирь: имидж мегарегиона. – Новосибирск: Тренды, 2012. – С. 111–126.
5. Зувев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии [Электронный ресурс]. – URL: http://zaimka.ru/to_sun/zuev1.shtml (дата обращения: 21.01.2016).
6. Киреев А.А. К вопросу о типологии азиатских границ России (II часть) // Ойкумена. Ре-

- гионоведческие исследования. – 2013. – № 1. – С. 50–70.
7. *Киселев М.А.* Как колонизируют историю [Электронный ресурс] // Историческая экспертиза. – 2014. – № 1. – С. 144–158. – Рец. на кн.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М., 2013. – URL: http://istorex.ru/page/kiselev_ma_kak_koloniziruyut_istoriyu_retsenziyaetkind_a_vnutrennyaya_kolonizatsiya_imperskiy_opit_rossii_m_2013 (дата обращения: 21.01.2016).
8. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.А.* Империя Чингис-хана. – М.: Изд-во Восточной литературы, 2006. – 557 с.
9. Поликультурное пространство Российской Федерации. В 7 кн. Кн. 4. Культура Сибири / отв. ред. Л.В. Дмитриева. – СПб.: Петрополис, 2013. – 452 с.
10. *Потанин Г.Н.* Завоевание и колонизация Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=99> (дата обращения: 21.01.2016).
11. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Электронный ресурс]. – Новосибирск, 2005. – Гл. 2.1. – URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/ch2.html#2-1> (дата обращения: 21.01.2016).
12. *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства [Электронный ресурс]. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm> (дата обращения: 21.01.2016).
13. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rus-obr.ru/library/913> (дата обращения: 21.01.2016).
14. *Суррун В.П.* Сибирь: имидж мегарегиона // Сибирь: имидж мегарегиона. – Новосибирск: Тренды, 2012. – С. 24–57.
15. *Суллов В.П., Лавровский Б.А.* Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии // Сибирь: имидж мегарегиона. – Новосибирск: Тренды, 2012. – С. 143–169.
16. *Тард Г. де* Социальные этюды. – СПб., 1902. – 440 с.
17. *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм [Электронный ресурс]. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14> (дата обращения: 22.01.2016).
18. *Черных Е.Н.* Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. – 2008. – № 3. – С. 34–43.
19. *Шашков А.Т.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 1997. – № 7. – С. 35–50.
20. *Шмат В.В.* На витке исторической спирали, или возвращение Менделеева // Идеи и идеалы. – 2013. – № 2 (16), т. 1. – С. 93–108.
21. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.
22. *Donskikh O.* Warum die Russen anders "ticken" // Das Gespräch aus der Ferne. – 2012. – Nr. 401, ausg. 4. – P. 10–20.

BECOMING OF MEGAREGION SIBERIA: SOCIOCULTURAL AND GEOPOLITICAL ASPECTS

O.A. Donskikh

Fund for Socio-Prognostic Research "Trends",
Novosibirsk State University
of Economics and Management

olegdonskikh@yandex.ru

This article investigates the parameters which allow to consider Siberia in the capacity of a megaregion. From the historical point of view the relationships are analyzed between the state and spontaneous mastering of Siberian territories from the geopolitical and managerial aspect. The role and place of the center of gravity of the Siberian territories is examined, and it is shown that none of the major cities has become such a centre, either economically or culturally. This question is considered also from the point of view of the concept of provinciality. It is shown that the most interesting developmental projects of the Siberian megaregion take it as a whole territory, stretching from the Urals to the Pacific and northward to the Arctic, and only such an approach (not dividing it to particular clusters) can fully reveal its geopolitical significance. Culturally, the difficulty of life in Siberia, as well as the usual diverse contacts of different ethnic and religious groups predetermined the original tolerance of the Siberian population.

Keywords: megaregion, Siberia, center of megaregion, provincialism, integrity.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-135-150

References

1. *Aziatskaya chast' Rossii: modelirovanie ekonomicheskogo razvitiya v kontekste opyta istorii* [Asian part of Russia: modeling economic development in the context of the historical experience]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2012. 464 p.
2. Antipov G.A. Sibir' kak proekt [Siberia as a project]. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: image of the megaregion]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2012, pp. 127–142.
3. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 766 p.
4. Donskih O.A. Stolichnost' kak imidzh v kontekste megaregiona [Capitalness as the image in the context of a megaregion]. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: image of the megaregion]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2012, pp. 111–126.
5. Zuev A.S. *Kharakter prisoedineniya Sibiri v noveishei otechestvennoi istoriografii* [The character of the incorporation of Siberia in the newest domestic historiography]. (In Russian) Available at: http://zaimka.ru/to_sun/zuev1.shtml (accessed 21.01.2016)
6. Kireev A.A. K voprosu o tipologii aziatskikh granits Rossii (II chast') [The problem of the typology of the Asian borders of Russia (II part)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Ojkumena. Regional Researches*, 2013, no. 1, pp. 50–70.
7. Kiselev M.A. Kak koloniziruyut istoriyu. Retsenziya: Etkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [How history itself is colonized. Review on: Etkind A. Inner colonization. The imperial experience of Russia]. Moscow, 2013. *Istoricheskaya ekspertiza – Historical expertise*, 2014, no. 1, pp. 144–158. Available at: http://istorex.ru/page/kiselev_ma_kak_koloniziruyut_istoriyu_retsenziyaetkind_a_vnutrennyaya_kolonizatsiya_imperskiy_opit_rossii_m_2013 (accessed 21.01.2016).
8. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [Genghis-Khan's empire]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 557 p.
9. Dmitrieva L.V. *Polikul'turnoe prostranstvo Rossiiskoi Federatsii*. V 7 kn. Kn. 4. *Kul'tura Sibiri* [Political and cultural space of Russian Federation. In 7 bk.

- Bk. 4. Culture of Siberia]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2013. 452 p.
10. Potanin G.N. *Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri* [The conquest and colonization of Siberia]. Available at: <http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=99> (accessed 21.01.2016).
11. Rezun D.Ya., Shilovskii M.V. *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the end of the XVI – the beginning of the XX century: frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk, 2005, ch. 2.1. Available at: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/ch2.html> (accessed 21.01.2016).
12. Savitskii P.N. *Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziizma* [The geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm> (accessed 21.01.2016).
13. Semenov-Tyan'-Shanskii V.P. *O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii: ocherk po politicheskoi geografii* [On the magnificent territorial domain in relation to Russia: treatise on political geography]. Available at: <http://www.rusobr.ru/library/913> (accessed 21.01.2016).
14. Suprun V.I. Sibir': imidzh megaregiona [Siberia: image of the megaregion]. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: image of the megaregion]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2012, pp. 24–57.
15. Suslov V.I., Lavrovskii B.L. Imidzh Sibiri v zerkale ekonomicheskoi istorii i strategii [Images of Siberia in the mirror of the economic history and strategy]. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: image of the megaregion]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2012, pp. 143–169.
16. Tarde G. de. *Études de psychologie sociale*. Paris, V. Giard & E. Brière, 1898. 326 p. (Russ. ed.: Tard G. de. *Sotsial'nye etyudy*. Translated from French. St. Petersburg, 1902. 440 p.).
17. Trubetskoi N.S. *Obsheevraziiskii natsionalizm* [Omni-Eurasian nationalism]. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14> (accessed 22.01.2016).
18. Chernykh E.N. Evraziiskii "stepnoi poias": u istokov formirovaniya [Formation of Eurasian "steppe belt": at the cradle]. *Priroda – Nature*, 2008, no. 3, pp. 34–43.
19. Shashkov A.T. Sibirskii pokhod Ermaka: khronologiya sobytii 1581–1582 gg. [Siberian campaign of Ermak: chronology of events 1581–1582 gg.]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki – Izvestia Ural State University. Series 2. Humanities and Arts*, 1997, no. 7, pp. 35–50.
20. Shmat V.V. Na vitke istoricheskoi spirali, ili vozvrashchenie Mendeleeva [On coils spiral of history, or return Mendeleev]. *Idei i ideal'y – Ideas and Ideals*, 2013, no. 2 (16), vol. 1, pp. 93–108.
21. Yadrintsev N.M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskoi, etnograficheskoi i istoricheskoi otношенii* [Siberia as a colony: geographical, ethnographical, historical aspects]. 2nd ed. St. Petersburg, I.M. Sibiryakov Publ., 1892. 720 p.
22. Donskikh O. Warum die Russen anders "ticken". *Das Gespräch aus der Ferne*, 2012, nr. 401, ausg. 4, pp. 10–20.